

Милютин Александр

www.milutyn.com

al-mile@yandex.ru

КЛЮЧ НА ШЕЕ

Фантастический рассказ.

Очнувшись, Рос в первую очередь потянулся к ключу. Движения вызывали боль. Голова пульсировала и звенела как перекачанный резиновый мяч. Ног ниже коленей он вообще не чувствовал. Но исцарапанная осколками рука упорно поползла до груди и успокоилась, лишь нащупав под тканью камуфляжа висящий на шнурке знакомый продолговатый предмет. Из горла вырвался сильный вздох облегчения.

Это было, конечно, глупо. Верить в эту старинную железку, делать ее талисманом, оберегом прошлой мирной жизни, символом возвращения домой с войны. Война то, может быть, и закончится, но возвращаться, скорее всего, будет уже некуда. Да и кто позволит проигравшим жить прежней жизнью? В лучшем случае сгонят уцелевших в подобие концлагеря, и это, по их мнению, будет верхом гуманности.

Вот и шли в бой и семнадцатилетние, как Рос, и пятнадцатилетние пацаны, предпочитая погибнуть в схватке с ополчившимся против них миром, нежели жить в загоне по законам тех, кто считает себя людьми. И погибали, орошая кровью земли предков.

Когда из-за холмов вынырнула тройка вертушек, поливая их отряд огнем, Рос решил, что настал черед умирать и его. Это был ад. Грузовик, идущий первым, разнесло ракетой вместе с теми, кто в нем сидел. Второй отбросило взрывной волной с дороги. Рос видел, как катится кубарем по склону его приятель Дейв, с которым они жили раньше на одной улице, как отчаянно старается сохранить передатчик радист Сол. Им, как замыкающей машине, повезло чуточку больше. Жунис успел затормозить, но в следующую секунду пулеметная очередь прошла моторный отсек и ветровое стекло, лишая отряд средства передвижения, водителя и командира одновременно. В грохоте взрывов и реве вертушек потонуло все: бессмысленные команды, стоны раненых, треск пламени, объявшего головную машину. Было до одури страшно, совсем не хотелось умирать, и все это усугублялось тем, что на эту атаку им даже нечем было ответить. Рос вместе с остальными вывалился из кузова, краем глаза заметив, как сержант, заняв позицию в придорожной канаве, расчехляет плазменную базуку – единственное противовоздушное оружие в их отряде. Кроме него подобие хладнокровия соблюдал еще снайпер Ян, пытаясь из-за валуна реализовать свой мизерный шанс попасть в уязвимые блоки бронированной машины. Остальные, по сути, пребывали в состоянии паники – у многих это был первый настоящий обстрел. В направлении рассредоточившихся полукругом вертолетов был открыт беспорядочный огонь из автоматов, совершенно бессмысленный для восьмимиллиметровой кевларовой брони. Ответные пулеметные и ракетные залпы были гораздо эффективней. Поле боя стремительно заполнялось телами погибших.

Рос услышал крик сержанта, призывающий не стрелять и отходить к роще. Затем характерно ухнула его базука и одна из вертушек, накренившись, начала падать. В тот же миг на чуть-чуть не успевшего сменить позицию сержанта обрушилась ракетная мощь двух оставшихся вражеских машин. Земля траурно содрогнулась. Роса взрывной волной подняло, швырнуло о бугор, и он отключился.

Сколько же времени прошло? Он чувствовал, что немало. В засаду они попали на исходе дня, сейчас же солнце проглядывало из рваного покрывала туч, быть может, едва перевалив зенит. Сражаясь с болью в ушибленной руке, Рос поднес к глазам часы. Экран пересекала толстая трещина, но они по-прежнему шли. Часы подтвердили его догадку. Без сознания он провалялся чуть ли не двадцать часов. Это казалось невероятным и говорило о том, что зацепило его очень сильно. Рос принялся изучать собственное тело на предмет полученных

повреждений. Чувствительность вернулась ко всем конечностям и через пятнадцать минут плавания среди боли от ушибов и царапин, он мог заключить, что, по крайней мере, руки-ноги у него не сломаны. Хуже обстояло дело с грудной клеткой и головой. При глубоком вдохе Роса накрывал едкий приступ кашля, отзываясь острой колющей болью в легком. Хотелось бы верить, что это не сломанные ребра. Голова же была по-прежнему мутной и тяжелой. При попытке подняться Роса тошнило, и серые пятна кружились перед глазами, намекая на пережитое сотрясение мозга.

Он смог подняться лишь спустя час. Подняться и оглядеться. Вчерашнее поле боя представляло собой выжженную исковерканную пустыню, над которым витал запах гари и сырой земли. От двух грузовиков остались лишь выгоревшие остовы, третий, изрешеченный пулями и осколками, по сравнению с ними выглядел бодрячком. Рос перевел взгляд на разбросанные повсюду тела, бывшие когда-то его товарищами и почувствовал, как слабость охватывает его, колени подкашиваются, а к горлу подкатывает горький ком. Зрелище было ужасным. Он кое-как доковылял до подножки грузовика и присел на нее, переводя дух.

Вообще это был не первый его бой, не первый раз, когда пришлось заглянуть смерти в лицо. Несмотря на молодые годы, Рос уже не раз встречался со жницей жизни, встречался еще тогда, когда до начала настоящих боевых действий власти разгоняли мирные демонстрации автоматными очередями. Так погиб его отец, бывший в первых рядах протестующих против введения карантинных зон. И здесь, на войне он потерял столько родных и друзей... Таким же семнадцатилетним пацанам с той стороны периметра это и представить сложно.

Но хуже всего, что он потерял себя. Война – она ломает души, как спички, крушит сознание, выжигает все, оставляя лишь пустоту и боль в глазах. Делает черствее, гораздо черствее. И все это – безвозвратно. Иногда на привале, или в казарме Рос думал о том, что осталось от того впечатлительного начитанного подростка, сочиняющего стихи и рисующего пейзажи иных миров? Его талантом так восхищались! Ему пророчили светлое будущее. А он мучился от вопроса – какая стезя ему больше по душе – поэта или художника. Глупенький мальчик... Мир обманул его и подкинул место в стане изгоев, судьба сунула в руки автомат, фортуна позволила пожить чуть дольше, чем многим из его друзей. Что теперь? Что дальше?

А дальше – ничего. Все осталось в прошлом. Почти две сотни стихов, какие-то очерки, графика, картины. Рос чувствовал, что не сможет уже как раньше творить, рифмуя строки, подбирая оттенки. Если вообще сможет. Его муза была смертельно ранена на этой войне. Как и он сам. Как и весь его мир. Все изменилось и не будет возврата назад.

Но тем ценнее становилось для Роса все то, что он успел сделать до фатального дня всеобщей мобилизации. Еще бы немного – и был готов его собственный сайт, но семья приятеля, который ему помогал с этим, замаскировавшись, решила прорываться через периметр и скрыться на большой земле. Попытка была неудачной. Им нужно было хотя бы не брать с собой оружие, тогда бы их, возможно, пощадили...

Когда стало ясно, что мир катится к пропасти и кровавая бойня неотвратима, Рос стал готовиться к неизбежному. Он действовал, как человек, узнавший, что в нем поселилась смертельная болезнь, и дни его сочтены. Впрочем, если рассудить, так оно и было. На своем любимом ноутбуке, подаренном отцом на пятинадцатилетие – мощной надежной машине в пылевлагоударозащищенном корпусе – Рос убрал все лишнее, расчистил свалки старых черновиков и писем, систематизировал все свои сочинения, упорядочил папки с графикой. Подумав, скинул со старых дисков несколько хороших энциклопедий и библиотек. Жесткий диск на ноутбуке был большой, на нем разместились и кое-какие полезные программы, и семейный фотоальбом, и несколько роликов любительского видео, еще доблокадные. Оставшееся место заняла полюбившаяся музыка.

Накануне роковой даты, фигурировавшей в повестке, Рос забился в угол на чердаке дома (почему-то захотелось забраться именно туда) и разложил на коленях плоскую книжку ноута. Перегнал с плеера последние надиктовки, которым уже не суждено было стать полноценной поэзией, перечитал письма, адресованные своей первой возлюбленной, чей образ память все еще хранила, несмотря на то, что их пути разошлись, всплакнул над фотками отца и кое-кого из

потерянных друзей, пробежался глазами по любимым стихотворениям, задержался на незаконченной модели парусника, заходящего в гавань. Когда на освободившуюся флешку плеера, который он оставил своей двоюродной сестре Анне, полились музыкальные треки, он уже не плакал. Отправил с персонального коммуникатора пару сообщений друзьям, которые завтра, как и он отправлялись на фронт. Вообще-то связи их лишили, навесив над регионом спутников-глушилок, но местные хакеры смогли частично взломать блокаду, и текстовыми сообщениями можно было обмениваться без труда.

В десять отключили электричество и, Рос, спохватившись, полез запускать генератор, дабы иметь потом полностью заряженные батареи на всех устройствах. Он не мог объяснить, зачем проделывает это с такой тщательностью, ведь, скорее всего, вернуться домой будет не суждено. Объяснить не мог, но делал.

Звезды холодного осеннего неба еще почти час взирали на сторбленную фигурку парнишки, обнявшего руками притянутые к подбородку колени, парнишки, уходящего завтра на войну.

Потом Рос отключил ноут от питания, аккуратно сложив все аксессуары, погрузил в экранирующий пакет и отнес к старому дедовскому гаражу, служившему в последние годы просто хранилищем всякого хлама. В свете тусклого фонаря отыскал в дальнем конце гаража люк в подвал, темный, мрачный и забытый. Шаткая покосившаяся лестница, настоящий раритет, скрипнула, но выдержала вес его тела. Рос сделал два шага наощупь и опустил пакет с заветным содержимым на расчищенную накануне полку. Он хотел напоследок сказать несколько прощальных слов своим мечтам, но объятия мрака так действовали на нервы, что Рос поспешил выбраться из подвала. Тяжелая крышка люка легла на место, и в поржавевшие, но крепкие, петли скользнул старинный, используемый когда-то еще дедом, навесной замок. В век электронных запоров пусть небольшой, но дополнительный шанс оккупантам и мародерам счесть содержимое подвала никому не нужным старьем. Ну а от альфа-сканеров возможно защитит экранирующий пластик пакета. Возможно...

Рос несколько секунд постоял у входа в подвал, с трудом сдерживая слезы. А потом торопливыми движениями закидал старым хламом люк и покинул новоявленную гробницу своего таланта, своей юности и самого себя.

Когда под утро мать вернулась с дежурства в госпитале, на шее спящего сына она обнаружила старинный ключ на шнурке.

Рос очнулся от воспоминаний и обнаружил себя сидящим на земле у колеса расстрелянного грузовика. Вокруг было тихо, лишь пара каких-то мелких птичек прыгали на голой ветке неподалеку. Раньше это могло стать идеей для рисунка – маленькая серая пичуга поет траурную песню по погибшим в лучах рассветного солнца...

Рос скорчил гримасу, изначально замышлявшуюся как ухмылку. В висках стрельнуло. Какие уж тут рисунки! По окрестностям разбросаны тела трех десятков его товарищей. И скорее даже фрагменты тел. А он хоть и живой, но больше похож на какого-то призрака из очень старого, еще черно-белого, кино. Впрочем, еще не все потеряно.

С третьей попытки ему удалось подняться. Собственный рюкзак найти в этой мясорубке было нереально, он нашел чей-то. С уцелевшей аптечкой. Пара пилюль обезболивающего, инъектор со смесью стимулятора и транквилизатора.

Через полчаса он, прихрамывая, уже завершал обход вчерашнего поля боя. К окончательному выводу, уцелел ли кто-нибудь в этой мясорубке кроме него, Рос так и не пришел. С одной стороны ему попались лишь два нетронутых вещмешка (включая тот, в котором он нашел аптечку) и один боеспособный автомат – создавалось впечатление, что окрестности как следует прочесаны на предмет вещей, которые могут пригодиться. Но в то же время Рос не нашел никаких следов, которые подсказали бы ему, в какой стороне искать выживших, если конечно это были именно выжившие, а не спецназовская зачистка, что тоже не исключалось. Несмотря на жгучее желание убраться подальше от окружающего ужаса, Рос еще раз обследовал дорогу и прилегающие окрестности. У одного из покойных (он так и не узнал, у кого – изуродованное тело лежало на земле ничком) снял с пояса нож. Потом вернулся к грузовику, где оставил найденные рюкзаки и услышал звук. Поначалу Росу показалось, что это

тревожное прерывистое жужжание раздается в его голове, но спустя какое-то время стало понятно, что исходит оно из кабины грузовика.

Рос осторожно приоткрыл прошитую пулями водительскую дверь, но та неожиданно вырвалась из его рук под грузом сползшего набок тела Жуниса. Рос не успел глазом моргнуть, а бывший водитель уже тяжелым кулем выпал из кабины в дорожную грязь. Машинальная попытка пресечь его падение привела к резкой боли в ребрах и тягостному нытью поврежденных мышц. Пришлось отступить и попытаться успокоить себя тем, что мертвым уже не помочь. Не очень действенно, но...

Звук после того, как кабина с водительской стороны опустела (командир Моррисон, прошитый пулями, так и остался сидеть справа, опустив на панель голову в своем в последнем, прощальном поклоне), слегка усилился. Рос уже примерно догадался что это. Короткочастотная рация. Не та здоровая спутниковая байда, которую таскал с собой Сол (с ней он и погиб от взрыва), а маленький компактный передатчик. В какой-то момент его сорвало с крепления возле рулевой колонки, и сейчас он голосил откуда-то снизу, из-под сидения. Рос стал на подножку и, сориентировавшись в пропахшем маслом и бензином пространстве, подобрал черный прямоугольник с гибким штырем антенны. На крохотном монохромном экране светилось ничего не значащее для Роса трехзначное число. Видимо, частота.

Кнопка «Прием» нажалась почти по-родному.

– Гранит! Гранит! Я Алмаз. Ответьте! – связь была не очень качественной, но слова ясно различимы, - Гранит! Гранит! Прошу связи!

«Гранит» - был их позывным! Рос надавил «Передачу», робко зашевелил пересохшими губами.

– Алмаз, я Гранит. Прием!

Далекий собеседник замолчал, в эфире раздался какой-то стук, затем Рос услышал уже другой, более хриплый и басовитый голос.

– Гранит! На связи майор Данг. Парни, что у вас?! Почему не выходите на связь? Прием!

– Алмаз! На связи рядовой Рос Дэллис. Отряд, – он с трудом проглотил подкативший к горлу комок, - отряд уничтожен. Вчера. Вертушками. Я был контужен.

– Сынок, сколько человек уцелело? Прием!

Росу захотелось отшвырнуть рацию прочь, растоптать подошвой ботинка, лишь бы не отвечать на этот вопрос, но он вдавил кнопку и заставил из себя выжать:

– Не знаю. Наверное, никто.

Какое-то время динамик молчал. Потом майор Данг заговорил.

– Рос, слушай мой приказ! Приказ по всем частям собраться на базе «Омега». Постарайся дойти, сынок, и передай приказ любому из ополчения, который еще его не знает. Там будут ждать. Как понял? Прием!

– Вас понял. База «Омега». Передать приказ любому.

– Вот и хорошо. Удачи, сынок! Конец связи!

– Конец...

Да, именно конец. База «Омега». Значит, дела совсем плохи. Это была последняя база повстанцев, правда и самая защищенная. Врагам придется поломать немало зубов о ее броню. А еще общий сбор, скорее всего, свидетельствовал о том, что дан старт резервному секретному плану, о котором ходили неясные слухи...

Рос выключил рацию и засунул в карман комбеза. Придирчиво осмотрелся, держа руку на прикладе автомата. Кажется, никто не следил за ним, обожженные кусты стояли не шелохнувшись, даже птицы сгнули. Разорвав тишину звуком собственных нетвердых шагов, Рос подошел к своему рюкзаку и, закинув его на спину, зашагал на север.

Конечно пэйджер GPS был бы для него сейчас прибором совсем не лишним, но и без всяких систем навигации Рос знал, где искать «Омегу». Это была его страна, его земля, на которой он родился. Другое дело, что путь, который ему предстояло преодолеть, был совсем не прост. По фактически оккупированной уже территории, в одиночку, раненому, с минимумом еды и десятком патронов в единственном рожке автомата осуществить такую прогулку было почти нереально.

Но Рос не видел другого выхода.

Первые несколько километров Рос никак не мог привыкнуть к ходьбе. Болело все тело, кружилась голова, он прихрамывал. Нагрузка, дававшая о себе знать учащенным дыханием, приводила к острому покалыванию в груди. То и дело Рос останавливался для передышки. И снова шел. Лес усложнял задачу встающими на пути то непролазными зарослями, то крутым оврагом, которые приходилось обходить, выбирая путь попроще и концентрируя все внимание и все силы на том, чтобы не упасть, преодолеть преграду, и выйти на прежний курс. О том, чтобы еще внимательно следить при этом за окружающим, не было и речи. Тем не менее, со временем помаленьку нашелся оптимальный темп, рельеф местности улучшился и Рос втянулся в это пошаговое перемещение своего тела из точки А в точку Б.

Тогда появилась другая проблема - что делать с мыслями? Раньше Рос часто использовал прогулки по парку или поездки на велосипеде для реанимации увядшего вдохновения, для формирования какой-то творческой идеи или принятия важных решений. Это вошло в привычку. Неторопливые шаги, свежий воздух настраивали на нужный лад, и мысли бежали сами собой. Теперь же приходилось за это расплачиваться. Нет, сочинять и придумывать больше не хотелось, хотелось просто по первобытному выть и этим наполненным тоской воем выразить скорбь по сломанной жизни, уничтоженному миру, убитым соплеменникам, которые ни в чем, совершенно ни в чем, не виноваты. Хотелось жалеть себя, несостоявшегося поэта и художника, не успевшего вкусить жизни, не познавшего настоящей любви, потерявшего так много на этой войне...

Отчаяние. Серый зверь с ясными глазами перед глухой бетонной стеной, за которой пустота и неизвестность. набросок в черно-белых тонах, родившийся за две бессонные ночи, после смерти отца. Сколько их, этих рисунков, похоронено теперь в плоском корпусе ноута, в темном чреве подвала!? Без права реанимации, без права увидеть свет. Ох, тяжело...

Рос вспомнил, как отец в детстве пытался объяснить ему, за что остальные люди так относятся к ним, вспомнил, что никак не мог понять, как можно ненавидеть за иной разрез глаз и другой оттенок кожи. Он и сейчас не понимал этого, но принимал как данность. Их ненавидят. Их презирают. Их убивают.

И хуже всего в этом чувство абсолютной несправедливости.

Рос вспомнил первую жертву этого противостояния, которую увидел своими глазами. Девушка-старшеклассница, изнасилованная и убитая приезжими мерзавцами. Ее изуродованное тело нашли за баскетбольной площадкой, он учился тогда в шестом классе.

Рос вспомнил трагедии семей приграничной зоны, в которых часто отец с матерью оказывались по разные стороны баррикад.

Вспомнил депрессию и запой своего друга Марика, который влюбился во встреченную в сети девушку, а потом увидел ее на демонстрации радикалистов.

Вспомнил самоубийство соседа-юриста, который устал взывать к разуму и милосердию.

И распятого на кресте отца Визреса.

И трупы тех, кто это сделал, появившиеся на рассвете на площади перед мэрией.

Вспомнил транспортную блокаду.

Вспомнил многое.

Он не хотел вспоминать, но ничего не мог с собой поделать. Мысли роились как пчелы в растревоженном улье. Пустом улье. Да, так. Пустота, выжженность, отсутствие цели... Рос потерял опору в этой зыбкой точке действительности, земля ушла из-под ног, пальцы тщетно силились ухватиться за что-то, чего уже не было. Еще несколько дней назад было легче. Можно было поговорить с кем-то из сослуживцев, поделиться гнетущим настроением с приятелем, отвлечься и послушать в курилке мрачные, но все-таки байки. Теперь и это невозможно. Рос остался наедине с собой и не знал, выдержит ли его рассудок или, вернее, *сколько еще* выдержит.

Чтобы хоть как-то отвлечь себя, он начал вспоминать свои стихи. Вспоминать, почти бесшумно зачитывать, шевеля губами. Кое-какие вспомнились легко, некоторые Рос не смог бы выудить из памяти и за все сокровища мира. А между этими крайностями находились сочинения, которые несостоявшийся поэт помнил лишь частично, но мог попытаться отреставрировать. Этим он и увлекся, радуясь, что удалось занять чем-то страдающий разум.

Осенний лес с замиранием вслушивался в первые и последние стихи этих земель.

Рос понял, что впереди что-то не так, когда пытался восстановить в памяти один из своих значимых стихов, может быть и самый важный, если считать, что лирика, в отличие от патриотизма, давно потеряла ценность в этом мире. Раньше он помнил его наизусть, но это «раньше» было еще до войны. Строчки забылись, зато не забылся ритм, который был похож при правильном прочтении на вбивание гвоздей в доски. Хотелось надеяться, не в доски собственного гроба.

*Туземные боги из крови и стали
Мне смерть под звездой отцов нагадали
За то, что я вырос с повадками зверя
За то, что я сказкам с рожденья не верю
За то, что иные и мысли и взгляды
А миру не нужно иного расклада*

*Надменные глотки исторгли приказы
Огнем и мечом уничтожить заразу
Пастух объявил очищение от скверны
И стадо признало решением верным...*

Стихотворение никак не вспоминалось до конца. Рос раз за разом бубнил себе под нос первые несколько строк, стараясь шагать и даже дышать в нужном ритме, напрягал мозг, чтобы вспомнить и тут...

Рос почувствовал, что впереди кто-то есть. Он не мог разобраться, какой из органов чувств подал ему сигнал. Логичнее было предположить, что это слух, тем более что когда Рос остановился и замер, он услышал это снова. Звук работающего на повышенных оборотах двигателя. Впереди. Слева. Где-то еще очень далеко.

Рос некоторое время постоял, вслушиваясь, будет ли перемещаться источник звука, но неведомый двигатель замолчал. Выждав еще минутку, Рос пошел дальше, на всякий случай сняв с плеча автомат. Спустя десять минут мотор взревел еще два раза, уже гораздо ближе. Потом раздался выстрел.

Рос остановился, вслушался в эхо и писк потревоженных птиц, вздохнул, и пошел на шум.

Три человека с автоматами в незнакомом светло-коричневом камуфляже и один в гражданском, из «своих», все по уши заляпанные грязью, доставали из канавы старенький заднеприводный пикап, скользнувший туда по глинистому склону раскисшей грунтовки. Один сидел за рулем, остальные толкали. Дело шло, но очень медленно и трудно. Рос, закопавшийся в опавшие листья, какое-то время наблюдал за этим процессом, пытаясь понять, что здесь произошло, кто стрелял, и в каком качестве тут присутствует местный житель. В то, что кто-то из его соплеменников мог сотрудничать с оккупантами, верилось с трудом. В том, что на их стороне воюют какие-то наемники или «идейные» – тоже. Картина стала вырисовываться, когда поскользнувшийся абориген получил тычок стволом в ребро и гневную ругань на явно не местном языке.

Значит, заложник. Ничего необычного.

Рос повнимательнее пригляделся к боевикам. Ничем не примечательный камуфляж без всяких нашивок и опознавательных знаков, тяжелые берцы, полностью скрытые под слоем жирной грязи, на двух из трех скрученная маска-шапочка. Неплохие экипировка, вооружение. В поведении – наглость, словно они вовсе не на вражеской территории. Никто не пытается соблюдать тишину, не выставлен дозорный. Возможно, конечно, что на штабной карте этот район помечен как «зачищенный», но настоящий солдат, а тем более командир, должен быть готовым ко всему. К появлению бойца ополчения, например.

С автоматами, впрочем, они не расставались...

Пока Рос думал, как поступить дальше в этой ситуации, пикап мало-помалу был извлечен на твердь грунтовки. Ведущие колеса вошли в зацепление с землей, прекратив наконец скольжение. Сидевший за рулем боевик провел машину немного вперед и заглушил

двигатель. Вытирая пот со лба, подтянулись остальные. Заложник по инерции прошел еще пару шагов и бессильно опустил руки, согнувшись, словно бегун, завершивший тяжелую дистанцию. Рос видел, как ходила ходуном его грудь и как дрожали колени.

С неприятным цокающим акцентом вылезший из-за руля спросил у аборигена, сколько еще осталось до шоссе. Услышав, что совсем немного, он отрешенно кивнул, начал разворачиваться, а потом быстро, так, что Рос не успел и глазом моргнуть, выхватил из кобуры пистолет и застрелил заложника.

Рос ошеломленно застыл, не в силах поверить, что видит это собственными глазами. Это было... жестоко, страшно, несправедливо, бесчеловечно. Впрочем, мелькнула мысль, они и не считают нас людьми. В недрах души Роса зародилась огненная волна гнева, ярости и негодования. Зародилась и понеслась, сметая все на своем пути. Включая даже укрепления здравого смысла.

Рос не помнил, как оказался на ногах. Но, оказавшись, просто направил автомат на врага, шагнул из-за укрытия и, сцепив зубы, начал стрелять. Двоих ему удалось положить сразу. Третий успел спрятаться за машину. Прозвучала ответная очередь. Искушение посмотреть что будет, помноженное на осознание того, что у него остался один или два патрона привели к тому, что Рос выстрелил в бензобак. Дважды. Щелчок, оповестивший о том, что магазин пуст потонул в грохоте взрыва, от которого боец отшатнулся. Он не был похож на киношные эффекты, но тоже был впечатляющим. И – главное – целесообразным. Последний боевик, оглушенный, отброшенный от машины, в местах пылающем камуфляже извивался, корчился на земле, и обречено стонал.

Дальше все было как во сне.

Игнорируя жар, идущий от горячей машины, Рос подошел к раненому, подобрал его автомат и оборвал мучения поверженного врага пущенной в опаленный висок пулей. Потом отошел в сторону, присел на поваленное дерево, и, нащупав свой висящий на шее ключ, долго сидел, сжимая его в кулаке, глядя на маленький кусочек проселочной дороги с четырьмя трупами.

На этой дороге им был сделан еще один шаг на пути уничтожения себя...

Прихрамывая, Рос шел дальше сквозь лес. На плече его висел новый трофейный автомат, на поясе разместились четыре магазина и две гранаты. Поначалу на душе было горько и тяжело, но осознание того, что он все сделал правильно, что это война, что по-другому и быть не может, успокаивало. Враг уничтожен, ты уцелел. О чем еще жалеть!?

Спустя час Рос полностью восстановил в памяти то стихотворение, что никак не хотело вспоминаться.

Туземные боги из крови и стали...

– Мы сражаемся не с людьми, а с мутантами, зарубите себе это на носу, Сойрекс!

Худощавый, элегантно одетый человек без особых примет, к которому были адресованы эти слова, проявил свойственную людям его положения профессиональную сдержанность.

– Полковник Гриффс, – сказал он, – давайте постараемся в нашем разговоре избегать эмоций. Вы знаете, кого я представляю, догадываетесь о причинах этой встречи и о том, какое будущее событие обусловило особенный интерес к происходящему в Предгорьях.

Полковник, широкоплечий исполин с лицом, будто высеченным из камня, хрустнул костяшками своих больших пальцев и процедил, едва двигая квадратной челюстью, в сторону советника:

– Выборы.

– Правильно. И в связи с предстоящей предвыборной кампанией сенатор Кремтон желает расставить кое-какие акценты в данном вопросе. Именно для этого здесь вы, полковник, и профессор Тьери.

Третий человек в комнате, седовласый усатый коротышка с маленькими близко посаженными глазками и комичным брюшком оторвался от возни с карманным компьютером, но не произнес при этом ни слова. Советник сенатора придвинул свой стул поближе к столу.

– Начнем с вас, профессор. Есть ли какие-нибудь новые материалы по проводимым вами исследованиям? Готова ли наука объяснить, с чем столкнулось человечество?

– Нет, господин советник, наука пока не готова. Мы знаем, что имеем дело с устойчивой мультигенной мутацией неизвестного происхождения. На данном этапе носителями измененных генов являются около четырехсот тысяч человек.

– Уже меньше, профессор, – совершенно без эмоций, как его и просили, обронил Гриффс, – значительно меньше.

Советнику понадобилось не менее пяти секунд, чтобы взять себя в руки. На полковника он при этом демонстративно не смотрел.

– Господин Тъери, как проявились и проявляются мутации?

– Сначала это было заметно только по глазам – радужная оболочка приобрела желтоватый оттенок, зрачок сузился, верхнее веко чуть опустилось. Очки, а позже специальные линзы могли все это замаскировать.

– Они пытались разбежаться, когда стало ясно, что против Предгорий планируются ограничительные санкции, – снова вставил свое словцо полковник, – нацепив эти самые маскировочные линзы или очки, они пытались расселиться за периметром, уйти на дно, но это мало кому удалось.

Сойрекс понял, что бороться с бестактностью Гриффса бесполезно. Значит, желание говорить нужно будет использовать...

– Кордон? Общественность?

– И Кордон, и общественность тоже. Кому охота иметь соседом мутанта!? Сообщали, сдавали.

– А общественное мнение, конечно же, корректировалось?

– А вот это нужно спросить у вас, политиков, – Гриффс пристально посмотрел на советника. Тот промолчал. Повернулся к ученому.

– Давайте поговорим о таком важном моменте – какие необычные свойства получили мутанты, не доступные обычным людям?

– Некоторое улучшение зрения, большая сопротивляемость болезням, и в принципе все.

– Газеты, телевидение и Сеть утверждают другое.

Профессор пожал плечами.

– Я не знаю, кто составляет сплетни о телепатии и прочих экстрасенсорных способностях. У меня никто не запрашивал по этому поводу никакой информации.

– Так значит ничего такого?...

– Ничего.

– Но есть мнение, что боевые действия, как абсолютный стресс приведут к усилению мутаций.

– Да, приведут, и механизм уже запущен. Но изменения коснутся другого. В частности эпидермиса, кожного покрова, некоторых внутренних органов, но никто не ведет речь о пирокинезе или там... ясновидении.

Полковник подался вперед.

– Насколько вы уверены в этом профессор? Может быть, вы из своей лаборатории не видите всего, что происходит? Мне с линии фронта приходят доклады, что мутанты даже в полной темноте определяют своих, и могут передавать какие-то ментальные сигналы. Как пример, нападают они всегда синхронно.

– Я не владею подобной информацией. Не исключено, что вашим аномальным случаям есть и более разумное объяснение. Хорошо обученные бойцы спецназа тоже знакомы с системой беззвучной подачи сигналов жестами и знаками.

– Это нельзя сравнивать!

– Стоп! – на этот раз советник даже немного повысил голос, не давая спору разрастись – Ладно. Пусть без всяких фантастических штучек – хотя это как посмотреть, конечно – не получится ли из мутантов сверхчеловек, живущий гораздо дольше, не болеющий,

противостоящий многим вирусам. Не вытеснит ли этот новый вид прежнего гомо сапиенс? Реально?

– Не думаю. С научной точки зрения у этих мутаций нет большого потенциала. Они передаются по наследству лишь в одном случае из четырех, зависят от многих нестабильных факторов. Конечно, среди моих коллег есть считающие иначе, но таких меньшинство. Мутанты не станут доминирующим видом.

– Но ведь каким-то образом четыреста тысяч оказались носителями мультигена. Кажется, так это называется?

– Ну... тут еще сыграло свою роль расположение и особенности региона...

– Да что вы там мямлите!? – полковник скривил пренебрежительную гримасу, – Вы же сами наверняка и устроили весь этот эксперимент. Пусть не вы лично. Такие же, как вы, ученые, работающие по секретным правительственным лабораториям. Район Предгорий был очагом напряженности когда-то, эпицентром сепаратизма. Вот и решили покончить с этим. Заложили бомбу замедленного действия... Что там? Радиация? Химия? Делаете вид, что не знаете? Скажите, когда была выявлена первая мутация? Местечко Каратау, кажется.

– Да, Каратау... – профессор был бледен, что не ускользнуло от внимания Сойрекса, давая пищу для размышлений. – Это было более тридцати лет назад. Но...

– Вот! Бахнуло по настоящему через четверть века, когда – вот незадача! – Предгорья угомонились и, подкармливаемые государственными дотациями, зажили почти обычной жизнью. Ничего, зато уникальные исследования получили в подарок.

– Это очень смелое заявление, полковник Гриффс. Вы не боитесь?...

– Что!? Бывалого солдата вы спрашиваете о страхе? Гражданину свободной демократической страны вы намекаете, что он может бояться изъяслять свое мнение, каким бы оно ни было? – Полковник замолчал, налил себе минеральной воды в стакан, сделал несколько глотков и продолжил уже спокойнее. – Я вам скажу, чего я боюсь. Боюсь, что человечество действительно оказалось в шаге от того, чтобы его вытеснила новая раса, что бы там они, – он кивнул в сторону Тъери, – не думали.

– И эту гипотетическую расу нужно сразу уничтожить, так?

Дуэль двух взглядов – советника сенатора и генерала – продолжалась на этот раз долго. Гриффс никак не мог понять, что кроется в вопросе Сойрекса, тот же был предельно невозмутим.

– Не делайте из меня главного злодея. Решения об ограничительных санкциях, о возведении Периметра, и о начале боевых действий принимались на высшем уровне и были одобрено подавляющим большинством партий и общественных движений. Думаю, вашему сенатору Кремтону тоже довелось поучаствовать во всей этой кутерьме. Я же по большому счету, как военный, выполняю данные мне приказы. Другое дело, что эти приказы я, как человек, одобряю.

– Хорошо. Не будем развивать пока эту тему. Скажите, профессор, замечена ли у мутантов излишняя агрессивность?

– Сейчас, когда идет война, об этом сложно говорить. Наши войска в их представлении оккупанты, да к тому же это все-таки почти горцы с особым характером, темпераментом, менталитетом. Тем не менее, я бы сказал, что агрессии на физиологическом уровне нет.

– Полковник?

– Не согласен. Это звери, советник. Это мутанты, я уже говорил. Они сражаются с особым упорством и жестокостью.

– Давайте смотреть правде в глаза. Не они первые начали. Вспомнить хотя бы рейды боевиков внутрь Периметра еще до войны. Да и ваши подчиненные тоже не дети. Карательные акции, уничтожение раненых, ликвидация гражданского населения...

– Советник, вы все-таки считаете их людьми и в этом ваша ошибка. С инфекцией не вступают в переговоры, ее просто уничтожают. Всеми доступными средствами.

– Мы просто пытаемся быть объективными, полковник, хотя это очень трудно сейчас. Средства массовой информации не предполагают альтернативного взгляда на события в Предгорьях...

– А никакого альтернативного взгляда и не должно быть.

– История - это хамелеон. Политика – шахматная партия. Сегодняшний доблестный герой может оказаться завтра изменником. Короля могут лишить короны. Без туза в рукаве и тайного подземного хода не обойтись.

Полковник смерил советника подозрительным взглядом.

– Знаете, Сойрекс, если бы я не знал позицию партийного блока, в котором вы состоите вместе с сенатором Кремтоном, я бы уже решил, что вижу перед собой защитника мутантов. Да и док наш тоже из стен своей лаборатории не видит реальной картины происходящего.

– Полковник, прежде чем уничтожить инфекцию, о которой вы говорили, ее нужно изучить. Поэтому я в частности против полного уничтожения носителей мультигена. Наш центр уже давно выступает с инициативой создать закрытое охраняемое поселение для изучения этого феномена.

– Концлагерь? Да, давайте называть вещи своими именами... Что ж, это хорошо, что вы не призываете вообще убрать Периметр. Но я бы предпочел полностью стереть заразу с лица земли, чтобы все это навсегда осталось в прошлом. Впрочем, политики скорее поддержат ваши предложения.

– Знаете, если наши предложения будут поддержаны, то причиной этому будет не интерес к науке, не гуманизм, а то, что это будет просто кому-то выгодно.

– Будем выяснять кому? – Гриффс с вызовом посмотрел на советника, потом на Тъери и снова на Сойрекса.

– Нет, не будем. Я хотел бы услышать, что сейчас происходит в Предгорьях. Полковник, осветите ход военных действий на данном этапе.

– Основное сопротивление мутантов сломлено. Разрозненные вооруженные группировки окружены. Гражданский контингент, а именно женщины и дети, потому что у них под ружье стало все мужское население – пытаются прятаться, уходят в леса и горы. Самый крупный город Герна будет контролироваться нами в самое ближайшее время. В наших рядах, конечно, есть потери, но потери невелики, особенно по сравнению с противником. Мы теряем людей в основном не в открытых стычках, а в диверсионных вылазках мутантов. Они пользуются темнотой, отличным знанием местности и – что бы вы ни говорили – своими новыми способностями.

– Как у них с оружием?

– С оружием проблемы и уже давно. В начале всей этой заварухи под контроль мутантов перешли находящиеся на их территории три военные базы. Персонал и военнослужащие дислоцирующихся там частей просто мутировали вместе с остальными. Мы ничего не смогли с этим сделать, вернее... нам не дали. К счастью, там не было ничего серьезного, никаких ракетных комплексов, никакой авиации и тяжелой артиллерии. Стрелковое оружие, минометы, гранатометы, легкая бронетехника. Сейчас все боеприпасы у них уже на исходе. Госбезопасность позаботилась о том, чтобы внутрь Периметра не попадало никакого нового оружия. Все каналы перекрыты. К тому же Предгорья – не арабский шейханат – никаких миллионеров там не зарегистрировано. Те, кто мог бы рискнуть на контрабанду, просто не заинтересованы в этом.

– А за идею никто воевать не будет, правильно?...

– За какую идею? Какие у мутантов идеи, чтобы их поддержал кто-то из людей?

– Хорошо. А база «Омега»? Разве там не располагается южный арсенал?

– Да нет там никакого арсенала. И никогда не было. Хранилище горюче-смазочных материалов – да. Склад армейского снаряжения, в большинстве случаев устаревшего – да. Бомбоубежище. Но никакого оружия!

– Почему же тогда туда стягиваются оставшиеся боеспособные части?

– Разведка не может дать точного ответа. Но нам это на руку. Прикончим их всех одним ударом. Как тараканов! – И Гриффс с силой хлопнул ладонью по столу.

– А потом?

– Зачистки. Оглашение полного контроля над территориями. Затем заседание специального комитета, в который войдут представители стран всего Альянса.

– Полковник, а какова политика будет по отношению к пленным?

– Формально сейчас действует директива 86 по отправке всех, кто оказывал сопротивление, на базу «Зидан». Что изменится после окончания кампании...

Призывная трель полковничьего телефона вынудила его извиниться, покинуть кресло и отойти в дальний угол комнаты. Разговор продолжался не более минуты и состоял со стороны Гриффса из одних «Да», «Вас понял», «Так точно». Потом полковник спрятал телефон.

– Господа, – сказал он, вернувшись к столу, – война заканчивается. Объявлено время последнего удара. Это будет синхронизированные во времени бомбардировка базы «Омега» и штурм Герны. Через два часа мне нужно быть в штабе. Так что, советник, если у вас есть темы для более серьезных обсуждений, нежели примитивная полемика, я могу уделить вам пятьдесят минут.

Сойрекс кивнул.

– Я понял вас, полковник. Да, за этот час у вас могло сложиться мнение, что я играю репортера. На самом деле я просто присматривался к вам. Теперь же настало время поговорить начистоту. Предгорья – это территории 46 тыс. кв. км. В зону отчуждения попали город со стотысячным населением, четыре населенных пункта численностью более 50 тыс. и полтора десятка мелких населенных пунктов. Конечно, все это пострадало во время войны, но восстановить инфраструктуру, в принципе, несложно. Так вот, некоторой группой лиц разрабатывается сейчас проект... Предположим, Предгорья будут очищены от мутантов. Сможем ли мы позже заселить эти территории людьми, например беженцами с восточных регионов, есть ли опасность, – советник повернулся вначале к Тъери – что переселенные через какое-то время точно также подвергнутся мутациям и – в сторону Гриффса – что у нас не будет проблем в виде партизанской войны и всякого рода диверсий? Вот это и надо мне с вами обсудить весьма серьезным образом.

Советник окинул взглядом собеседников и приготовился слушать.

Рос стоял на краю выжженной, испещренной язвами воронок, пустыни, в которую превратилась база «Омега». Он дошел. Не смотря ни на что. В организме словно включился неведомый резервный двигатель. Нашелся общий язык с треснутыми ребрами, поутих шум в голове, унялась немного боль от ушибов. И он дошел. Уставший, грязный, голодный, но вполне способный при необходимости действовать. Бороться за свою жизнь. Окапываться, стрелять, убивать. Вот только теперь это не имело никакого значения. Последний оплот сопротивления был уничтожен небывалой по мощи атакой. Рос слышал отголоски бомбардировки вчера днем, но горы открыли ему лишь небольшую часть симфонии грома, поглотив в своих ущельях и разломах страшные звуки. Лишь тоскливое тревожное эхо долго гуляло по склонам. Черные клубы дыма от возникших пожаров скрыла ночь.

Преодолеть перевал и войти на территорию «Омеги» Рос смог только спустя сутки с начала атаки. Пепелища уже не дымились. Давно осела пыль, поднятая взрывами. Бетонно-земляное крошево с приправой из камней и металла притихло и молчаливо оплакивало всех, кто навек остался лежать здесь. Сколько их было? Неведомо...

Рос прошел немного вперед. Сперва он по привычке взял наизготовку автомат, но вскоре безразлично закинул его за плечо. Все зря. Еще вчера у него была цель: дойти, встретить своих. Еще вчера у него в груди горел огонь возмездия. Было желание бороться с врагами до последней капли крови. Но все это растаяло как дым, когда он оказался здесь, на кладбище последней надежды. Впрочем, была ли она, эта надежда? Был ли этот шанс повернуть вспять разогнанную машину войны? Не было! И не стоит себе льстить!

Все кончено. Война завершена. Они проиграли с разгромным счетом.

Спотыкаясь, Рос побрел вглубь зоны. Медленно, сонно. Обходя воронки и обезображенные до неузнаваемости тела, перелезая через нагромождения кирпичей и обкусанных бетонных стен, рискуя сломать себе ноги о не приметные штыри и обнажившиеся провалы. Мелькнула мысль о неразорвавшихся снарядах и минах, которые могут оставаться среди завалов, но тут же развеялась – при такой жестокой бомбардировке здесь должно было сдетонировать все, что имело в себе взрывчатку. А еще возникло ощущение, что никакого заметного отпора врагу тут не дали. Так же, как и четыре дня назад при обстреле их колонны...

Маленький относительно пустой пригорок так и манил передохнуть. Рос остановился и огляделся. Руины базы представляли собой удручающее, фатальное зрелище. Развалины зданий, покореженные трубы, обгоревшие остовы машин. И никого живого вокруг. В Росе неожиданно на миг проснулся художник и он оценил то, что видит, по-своему, с точки зрения композиции, сюжета, перспективы, освещения. Ад. Армагеддон! Нет, нарисовать такое он не смог бы. Просто не хватило бы никаких душевных сил.

Художник в Росе вздохнул и сгинул. Наверное, снова забрался в свое логово вместе с поэтом оплакивать жестокую судьбу.

Рос бессильно опустил на камень, стянул с себя почти пустой рюкзак, положил рядом автомат.

– Будь все проклято! – прокричал он, сжимая кулаки, – Будь! Оно! Все! Проклято!

Хотелось в исступлении вопрошать судьбу: «За что?», «Почему я?», но такие вопросы Рос уже давно не задавал, зная что никогда не найти на них ответа. Такие вопросы, так же, как и рассуждения на тему «Что было бы, окажись он по другую сторону баррикад», остались в детстве, когда еще не состоялось понимание всей картины жизни. А картина, к слову сказать, была элементарной. Он – мутант, и с этим уже ничего не сделаешь. Так сложилось. Он отличается от остальных людей земного шара и за это должен умереть. Все просто и логично.

В то же время не будь мутантом, Рос не выжил бы после той атаки, уничтожившей весь его отряд. Вот только что с того, что он не остался лежать там, на той поляне, пришел сюда? Что там, что здесь... Одинокая неприкаянная душа в стране мертвых...

И какой резон вообще жить дальше?

Рос достал коммуникатор, в который раз за эти дни попытался связаться с кем-нибудь – мамой, кухней, друзьями... Не ответил никто. Тогда устройство по высокой траектории отправилось в ближайшую воронку. Бесплезная рация, которая голосом майора Данга дала ему распоряжение отправиться сюда, разделила участь коммуникатора.

Вот и все. Их уничтожили. Стерли как недоразумение цивилизации. Нет никакого смысла жить, за что-то бороться. И новые способности, которые он в себе начал чувствовать, не смогут вернуть ему родителей, дом, друзей, его мечты. Дороги назад, в прежнюю жизнь нет. Нет вообще никаких дорог. Рос заглянул в себя и увидел там лишь пустоту – горькую, безысходную, затягивающую.

Он вздохнул и, хлопнув носом, потянулся к автомату. Эта сталь была изначально предназначена для истребления его народа. Значит, пришел ее час. Рос обхватил кулаком дуло и подтянул его ко лбу. Закрыв глаза...

– Эй!

Несостоявшийся самоубийца рывком обернулся. Метрах в сорока от него, под прикрытием полуразрушенной стены, стоял подтянутый мужчина средних лет в светло-зеленом камуфляже, с пистолетом за поясом, запыхавшийся после быстрой ходьбы или бега. Краткий спонтанный посыл на ментальном уровне дал понять Росу, что это «свой». Впрочем, это видно было уже и невооруженным глазом. Он убрал автомат в сторону.

– Ну, ты чего, солдат!?! – голос незнакомца звучал раздраженно и даже как-то обиженно, – Устроил тут представление, понимаешь... Я едва успел.

Рос почувствовал укол стыда от своего слабovolного поступка, но не слишком серьезный. Просто агония продлевалась еще на какое-то время. Не поднимая глаз, он молча закинул за спину смятый рюкзак, взял автомат, поднялся.

– Давай-давай, дуй сюда! – подбодрил его мужчина, и, когда Рос подошел, сразу двинулся в путь, лишь обронив, – За мной.

Они прошествовали вдоль того, что, видимо, было казармой, держась поближе к разрушенной стене, проползли по краю воронки, почти бегом пересекли открытую местность.

– Сейчас над этим районом висят спутники, – пояснил провожатый. – Отслеживают любое движение, – он хмыкнул, – Пытаются понять, чего же мы так шли сюда.

– И чего же?

Провожатый не ответил. Лишь как-то загадочно махнул рукой. Рос истолковал этот жест как «еще узнаешь». Путь их движения пересек чахлые истерзанные кусты, подобрался к частично разобранному завалу, за которым начинался крутой подъем.

– Куда мы идем?

Ответ проводника был честным и бесполезным без дополнительных жестов.

– Туда.

Они ступили на склон и несколько минут карабкались по дуге, забираясь все выше. Руины «Омеги» остались внизу. Наконец, впереди показалось маленькое низкое строение с частично проваленной крышей. Дверь, больше похожая на дверцу комнатного шкафа, висела на одной петле.

– Пригни голову.

Оказавшись внутри, Рос понял, что небольшие размеры строения – лишь видимость. Помещение расширялось вглубь скалы на добрый десяток метров и заканчивалось во мраке овальным стальным люком наподобие корабельных. Глаза, которым не нужно было привыкать после резкой смены дневного света на сумрак – глаза мутанта – заметили также в глубине какие-то стеллажи, занятые контейнерами и емкостями. Ближе к выходу, старательно расчищенная, находилась, если можно так выразиться, жилая часть. Ее представляли койка с разложенным спальником, тумбочка со спиртовкой, и слегка кривоватый, но все еще крепкий, стол, на котором, соседствуя с рацией и биноклем, лежал нехитрый солдатский паек. Аромат пищи, самой яркой составляющей которого был запах горячей гречневой каши с тушенкой, вскружил ему голову.

– Давай, садись, ешь, – проводник пододвинул ногой прикрытый куском брезента ящик и выдал Росу ложку. – Сколько без еды?

– Два дня.

Не прошло и минуты, как перед Росом оказалось все, на что богат был хозяин этого не очень понятного места. В качестве последнего штриха из припрятанной в тумбочке бутылки в две алюминиевые кружки упало по чуть-чуть коньяка.

– Зови меня Крот, – сказал новый знакомый Роса, чокаясь, – а ты?

– Рос. Рядовой армии народного ополчения.

– И что же ты, рядовой Рос, так торопишься этот мир покинуть? И ладно бы еще с пользой для своего народа, утянув с собой кого-нибудь из оккупантов, так нет же, сам... И что обидно, даже не осмотрелся, окрестности полностью не изучил, а сразу – увидел пепелище и решил, что все. А база «Омега» – она, между прочим, большая. Хорошо еще у меня чутье хорошее – я ж поэтому и здесь, собственно – и засек я тебя сразу вместе с твоим настроением упадническим. Вовремя подоспел.

Рос сидел, виновато потупив глаза, и сосредоточенно жевал. Он мог бы начать оправдываться тем, что смертельно устал, что шел без малого пять дней, почти без еды, раненый, что он потерял всех близких и что эта война просто не оставила ему другого выбора. Он мог рассказать и про то, как с каждым новым выстрелом ломался он сам, хороня свои светлые мечты и юность. Мог бы, но не стал говорить ничего.

Воцарилась минутная пауза. Крот расположился полулежа на койке, достал сигареты.

– Будешь?

Рос покачал головой.

– Нюх они, конечно, забивают, но не так уж и сильно.

Пара колец дыма отправились к потолку.

– Слушай, парень, ты хотя бы что-нибудь о базе «Омега» знаешь?

– Ну... самая вооруженная и самая укрепленная наша база. Так сказать, последний оплот.

– Последний оплот... Верно. Только не в том смысле, – Крот в три затяжки прикончил сигарету и растоптал окурочок тяжелым ботинком. – Давай-ка я расскажу тебе историю... В общем, когда мы начали меняться, а было это почти двадцать лет назад, среди нашего народа нашлись умные головы, которые предсказали все то, что мы сейчас имеем. Предсказали, что мир ополчится на изменившихся, предсказали блокаду, войну и... даже проигрыш в этой войне. Я не знаю, как звали тех, кто оказался в аналитической группе, кем они были. Могу только догадываться, что это были отнюдь не рядовые граждане, потому что прогноз сделать было мало. Даже решение найти – и этого было мало, нужно было все это реализовать. Нужно было постараться выжить.

– Выжить?... – язвительно переспросил Рос и кивнул в сторону руин «Омеги», – Не очень-то получилось, правда?

Крот снисходительно улыбнулся уголком рта.

– Ты видел много убитых?

– Что? – Рос непонимающе уставился на него, вспоминая многочисленные сцены смерти, свидетелем которых он был за последние дни. – Что значит...

– На территории базы погибло не более пятидесяти человек. Нет, конечно, каждая смерть – это трагедия и говорить тут не о чем, но подумай: вместо нескольких тысяч, которые шли сюда – полсотни.

Крот вперился взглядом в Роса, ожидая, догадается ли тот, или придется рассказывать дальше. Рос догадался.

– Подземное убежище.

– В точку! Хорошее убежище. Не самое лучшее, но... хорошее. И, солдат, знаешь, – Крот подмигнул, – оно не единственное, – он вздохнул и задумчиво произнес в сторону, – Эх, нам бы еще пять лет... ну хотя бы три года и мы не проиграли бы. Не мир нам, а мы миру диктовали бы условия. Немного не успели...

Рос некоторое время, нахмурившись, переваривал услышанное. Потом спросил:

– Сколько их всего?

– Кого?

– Убежищ?

– Я не знаю о всех, но, думаю, полдесятка есть. «Омега» – самое крупное. Некоторые, я слышал, соединены между собой тоннелями. Кроме того, площади расширяются за счет старых шахтерских выработок и естественных пещер. Всем этим занимаются, – Крот внимательно посмотрел на переваривающего информацию Роса, – и подытожил, четко выговаривая каждое слово. – Мы уходим в партизаны, сынок. Все, кто выжил. Переселяемся под землю. Тяжело это будет, понятное дело. Придется забыть прежнюю жизнь под солнцем, наши дома, города, но мы сможем. Люди не смогли бы, а мы, мутанты, сможем. Другого выхода нет. Мы укрепим. Разовьем наши способности. Мы станем такими, какими нам суждено быть. А еще – я надеюсь – узнаем, что было причиной мутации. Они, конечно, не успокоятся. Обнаружат, что есть уцелевшие, будут выкуривать. Но руки окажутся коротки. Сам знаешь почему. А потом наступит время, и мы станем такой силой, что не считаться с нами будет просто невозможно. Мы вернемся и вернем себе свою землю. Помяни мое слово.

Крот взял со стола фляжку с водой и промочил пересохшее горло. Это было похоже на поднятие бокала после провозглашения тоста. Рос сидел потупившись, пытаясь привести в порядок скачущие в беспорядке мысли.

– Значит, мы воевали, хотя могли отсидеться?

– Нет, рядовой, – голос Крота стал заметно жестче, – мы не могли отсидеться. Мы воевали, чтобы спасти наших детей.

Рос мог бы красиво сказать, что его самого от ребенка отделял всего один шаг, но шаг диною в войну, однако вместо этого спросил, стукнув носком ботинка по полу, как бы указывая направление:

– Как оно там?

– Внизу? Нормально. Казармы, столовая, генераторы, автономное водоснабжение, склады, больница, лаборатория, арсенал и командный пункт. Ну, может, немного тесно будет поначалу...

– У тебя есть связь с ними?

– Связи нет. А для чего тебе?

– А как же...

– Я просто провожаю тех, кто приходит, до первого поста. А что?

Во вздохе Роса проскользнула безнадежная тоска.

– Мама. Она работала в госпитале Герны. Может быть, его эвакуировали в одно из убежищ?

– Дружок, для этого тебе не нужны никакие рации, телефоны и спутники. Мать – самый близкий для тебя человек. Ты связан с ней навечно. Твой нюх. Разве он ничего не говорит тебе?

– Не знаю. Я еще не пробовал такие вещи.

– Совсем?

– Почти, – Рос вспомнил как почувствовал сквозь лес заложника, как спонтанно проверил по схеме «свой-чужой» Крота.

– Попробуй. Вместе с уродством, мы получили в дар невероятные способности. Они только-только проявляются, и их нужно развивать, – Крот по-отечески посмотрел на юношу, – Давай. Я помогу.

Спустя полчаса Рос жадно опрокинул в себя остатки воды из фляжки и обессиленный рухнул на кушетку. Гнусно ныла голова, шумело в ушах, а где-то на дне живота бродило холодное вязкое облако. Крот выглядел значительно лучше, но бледные дрожащие губы, которые нервно сжали сигарету, говорили, что далось все не так легко.

Но далось!

Без всякой радиосвязи, без всякой техники вообще, несмотря на расстояние в сотню, а то и полторы сотни километров, сквозь плоть гор, он почувствовал свою мать. Лишь легкий импульс, но однозначный по своей сути. Жива! На юго-востоке. В убежище. А она в свою очередь почувствовала его. Рос ощутил глубочайшее облегчение, а также благодарность по отношению к Кроту, который научил, помог настроиться, подпитал его силы. А еще он испытал изумление. Рос не раз слышал, что мутации привели в действие механизм, раскрывающий доселе неизведанные возможности мозга, но только теперь он начал осознавать, насколько все это серьезно и глобально, насколько фантастика становилась реальностью.

Попыхивая сигаретой, Крот потоптался у входа, а потом деликатно выскользнул за дверь, давая возможность участнику непростого телепатического эксперимента прийти в себя и все переосмыслить. Рос остался один.

Значит вот так. Значит не все еще потеряно. Война не окончена. Бой будет просто продолжаться уже на другом уровне, партизанском. И будет еще возможность отомстить за потерянных друзей и родных. С таким-то оружием, расположенным прямо в голове! Нужно только перегруппироваться, накопить сил и знаний.

И мама жива... Чуть позже он постарается нащупать и кузину Анну. Похоже, миру, лежащему в руинах, возвращались краски. Вернуть бы эти краски душе семнадцатилетнего солдата...

Возможно, такой способ был.

Рос нащупал ключ, неизменно висящий на шее, как талисман, как амулет, как нательный крест. Сжал его в кулаке, закрыл глаза, сосредоточился.

И принял решение.

– Ну, что? Пора идти, солдат.

– Нет, Крот, – Рос мгновенье помолчал. – У меня другая миссия. Я должен вернуться домой кое за чем.

– Куда!? – Крот удивленно уставился на своего подопечного, – Ты в своем уме!? Да ты же едва приполз сюда! А теперь, даже не отдохнув, хочешь снова повторить свой безумный марафон?

– Я отдохну до темноты.

– Но Предгорья уже захвачены! Это же самоубийство, – на этом слове Крот осекся, посмотрел в глаза мальчишки, скользнул по эмоциональному рисунку поля. Ничего суицидального и депрессивного там больше не было. Только храбрость, бесстрашие, уверенность в важности дела, и вера в успех.

Крот покачал головой, но больше не стал возражать. Рос положил руку ему на плечо:

– Я очень благодарен тебе. Ты не просто спас мне жизнь, ты... может, и сам того не знаешь, но ты подарил мне еще надежду. Спасибо. И все таки *Alea jacta est*. Жребий брошен.

Крот медленно кивнул. Они с минуту смотрели друг на друга. Со стороны просто старые знакомые, готовящиеся к расставанию, а на самом деле мутанты, создающие якорьки для будущего ментального контакта, если такой понадобится. Наконец, Крот вздохнул.

– Давай соберем-ка пожитки. Тебе идти не один день... вернее ночь. И оружие тоже выбери, – он вздохнул. – *Alea jacta est*, значит...

Рос преодолел последнюю линию разрушений, остановился на границе зоны и оглянулся. База «Омега» стояла погруженная в холодные, без единого огонька, сумерки, как кисель стекавшие ниже, в долины и ущелья – туда, откуда брал начало его долгий путь домой. Впрочем, на понятие «дом» Рос себя не настраивал. У него больше не существовало дома, даже если цело само здание. Нет, его цель была забрать из подвала спрятанный ноут – средоточение его души, чувств, эмоций, памяти, а так же просто полезная во многом штука. Поступок этот, конечно, пахивал безумием еще похлеще, чем путь к «Омге», но теперь Рос уже ощущал себя совершенно иначе. Он чувствовал в себе силы совершить задуманное – прокрасться сквозь горы, проскользнуть в захваченный город, дойти, взять то, что ему нужно, и вернуться. Возможно, он разыщет убежище, в котором находится мама, возможно, вернется сюда, к Кроту, который неожиданно за короткий срок стал ему другом.

По пути он будет совершенствовать свои способности. Попробует научиться сканировать пространство и посылать телепатические послы. И что-нибудь еще...

А потом там, внизу, в катакомбах, он будет помогать подполью. Станет летописцем сопротивления. А в свободное время, которого под землей окажется немало, будет творить... Сможет, теперь снова сможет...

От фантазий этих, правда, веяло детством, но это не имело значения. Значение имело то, что он перестал чувствовать себя монстром. Как это ни странно.

Пора было начинать путь.

Гибкие серые пальцы отпустили висящий на шнурке ключ, и он зашуршал о плотную, покрытую маленькими чешуйками кожу.

*Отныне солнце забывая,
Мглы начиная новый век,
Шел, гор святыни познавая,
Не зверь, но и не человек...*

Июль 2005